

ского завоевания был гораздо ниже, чем паннонцев или далматов, что предполагает большую разобщенность племен и их действий против римлян, возможное отсутствие у них значительных укрепленных поселений и городищ, чему способствовал и горный характер страны, когда племена могли полагаться на защиту своих высот и ущелий. Этот горный ландшафт в свою очередь мог препятствовать затем распространению римских обычаев и латинского языка, так же как он мог способствовать и сохранению местных языков, традиций и самого населения.

Не представляется правомерным уподобление А. Мочи римского провинциального общества Верхней Мезии колониальному обществу, а отношения провинции с Италией — отношениям колоний и метрополии нового времени. Указывая, что он сознает опасность модернизации, А. Мочи тем не менее настаивает на том, что «выражение „метрополия“ здесь совершенно на месте» (стр. 254). При всей обоснованности выводов о характере общества и романизации Верхней Мезии нам не кажется возможным такое обобщение. Характер политических, хозяйственных и культурных связей провинций с Империей был более глубоким и совершенно иным, чем у колоний и метрополии. Здесь нельзя не учитывать многолетнюю службу в легионах (16 лет) и в войсках *auxilia* (26 лет), влияние римского гражданства и права, которые после эдикта Каракаллы стали общими у всего свободнорожденного населения Империи, длительность самого периода римской власти.

Нам кажется, что для каждого из

рассмотренных А. Мочи общественных слоев романизация и проявлялась в разной степени, и воспринималась по-разному, поэтому то, что для всадника или декурiona означало бы поверхностную романизацию, для низших общественных слоев могло, напротив, указывать на заимствование ими римских традиций и в известной степени культуры и языка. По-видимому, общее изменение условий существования племен в связи с введением провинциального режима уже было в какой-то степени их романизацией. Недаром внутреннее, горные племена, занимавшиеся скотоводством, казались римлянам «разбойниками» — их вовсе не затронуло римское влияние, хотя это не явилось препятствием для набора таких слоев в римские войска и Марком Аврелием, и Пробом (SHA, v. Probi 16, 6). О романизации местных слоев, что отмечает и А. Мочи, можно в большей мере говорить, очевидно, для III в.

Далее, если мы признаем, что римское господство не создало предпосылок для дальнейшего существования принесенной им культуры, то как тогда можно будет объяснить продолжающееся существование и, более того, расцвет в поздней античности внутренних городов, таких, как Нагсс, и рождение на их территориях новых городов. Продолжающееся развитие городов внутри провинций в III—IV вв., как известно, наблюдается на Дунае в той же Паннонии, в Норике, и в Далмации, что указывает на существование, хотя и в изменившейся форме, основ гражданской и экономической жизни, некогда заложенных римлянами.

Ю. К. Колосовская

КИРИЛ Ис. ЖУГЛЕВ, Икономическото положение Тракия и Мизия и търговските им отношение с Италия в I—II вв. от н. э., «Годишник на Софийский университет, философско-исторически факультет», LIX, кн. III, 1965, стр. 18

В предисловии (стр. 3—4) автор отмечает, что его задачей было дать обобщение всего известного материала по рассматриваемой им проблеме, а также возможно полно исследовать ее на основании последних данных археологии, нумизматики, эпиграфики и письменных источников. Им широко привлечен материал крупнейших музеев мира: Лувра, Ватикана, Британского и Берлинского музеев, Помпей, Неаполя и др. Хронологические рамки исследования — с конца I в. до середины II в. н. э. Вопросы торговли рассматриваются автором в тесной связи с состоянием экономики Фракии, Мезии и самой Италии.

Книга состоит из двух разделов, посвященных характеристике экономического положения фракийских земель и их торговых связей. В двух главах первого раздела исследуется экономика фракий-

ских земель к моменту прихода в эти области римлян в 29 г. до н. э. и состояние экономики в I и II вв. н. э. Главы второго раздела посвящены развитию торгового обмена в I—II вв., роли различных населенных пунктов и дорог, выяснению масштаба торговых связей в различные отрезки исследуемого периода и характеристике категорий товаров. Напомнив читателю о существовании во Фракии древнегреческих колоний, автор останавливается на характеристике торговых связей с центрами Эгейского моря, с Северным Причерноморьем, Малой Азией и Карфагеном в доримский период. Затем на ряде примеров он показывает экономическую заинтересованность римлян в богатой Фракии еще в республиканское время: римлян привлекали хлеб, скот и пастбища Фракии, ее торговые и военные пути в Малую Азию. Обра-

щению фракийских земель в римские владения в конце I в. до н. э. уделено специальное внимание. Автор ярко рисует экономическое состояние Фракии в связи с проникновением римлян и завоеванием ими страны. Его интересует выяснение влияния римского завоевания на упадок хозяйства страны и затем поднятие экономики и стабилизация при участии римлян после завершения ими организации провинций Мезии и Фракии. Он считает, что города и торговля пострадали не столько от римлян, сколько от разграбления их гетами, сарматами и другими пограничными племенами, воспользовавшимися военной обстановкой. Несомненно, полное разграбление торговых городов не могло входить в планы римлян, заинтересованных в сохранении этих важных для экономических связей торговых центров. Но известно, к какому расстройству экономики и обезлюдению страны привело римское завоевание. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что римляне были вынуждены переселить в Мезию при Августе 50 тысяч гетов. Этот факт, как и вывод колоний ветеранов и переселение италиков упоминаются автором в числе тех мер, которые предприняли римляне в целях поднятия экономики Мезии (стр. 20—22). Все эти меры, как и завершение провинциальной организации, образование вилл поданы автором несколько идеализически как меры, создавшие благоприятные условия для развития экономики Фракии и Мезии (стр. 36).

Характеристике политической обстановки автор уделил большее внимание, чем детальному разбору экономики как таковой. Жаль, что в этом разделе нет подробного анализа того уровня, на котором находились различные отрасли хозяйства фракийских земель к моменту римского завоевания.

Второй раздел, посвященный торговым отношениям, нам представляется более удачным. Здесь читатель найдет сводку фактического материала, подробный библиографический указатель по различным видам продукции, привозившейся из Италии: медным и бронзовым изделиям, которыми славилась италийские мастерские, изделиям стекляного и керамического ремесла. Автором подобран богатый нумизматический материал, иллюстрирующий периодизацию расцвета и спада торговли между фракийскими землями и Италией.

Автор исследует вопрос о роли фракийской аристократии в восстановлении и развитии торговли, о ее взаимоотношениях с Римом, оказывавшим ей покровительство. Показана также роль римских пегоциантов, имевших во Фракии свои конторы, как, например, *Iulius Iieo*, надгробие которого было найдено в городе *Novae*. Приводятся различные населенные пункты с описанием их роли и участия в торговле, показаны также торговые пути, функционировавшие во Фракии в I—II вв. Для нас особенно интересен дунайский путь, по которому шли товары в северочерноморские центры. Автор отмечает большое значение этого пути для торговли и роль тех поселений и групп населения, которые занимались торговлей (стр. 85). Насколько большое значение придавали римляне этому пути, а следовательно, и торговле с Северным Причерноморьем, свидетельствует тщательная охрана этого пути римскими войсками. На основании анализа нумизматического и вещественного материала (находки бронзовых италийских сосудов, глиняных — типа *terra sigillata* и т. д.) К. Жуглев приходит к выводу о том, что на вторую половину I в. приходится большая активность в торговле фракийских земель с Италией, чем на первую половину этого века.

Картина торговых связей с Италией, особенно ввоза италийских товаров представлена автором полно и ярко. Очень важен вывод о том, что в I—II вв. н. э. фракийские земли не столько сами вели оживленную торговлю с Италией, сколько играли посредническую роль при все возрастающей активизации торговой деятельности Италии в северо-восточном направлении (Тира, Ольвия, Херсонес) (стр. 107).

В развитии и судьбах ряда торговых городов Северного Причерноморья и городов фракийских и мезийских существовал ряд сходных черт. Интересно было бы детально проследить это общее и различное, характерное для того времени, когда Северное Причерноморье пришло в соприкосновение с Римской империей. В это время посредническая роль фракийских земель в связях Италии с Северным Причерноморьем была, очевидно, весьма значительной.

Г. А. Цветаева